

ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЕВ В ТВОРЧЕСТВЕ В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА

А. С. Конюхова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2019 г.

Аннотация: целью данной статьи является создание типологии героев в творчестве В. А. Никифорова-Волгина и рассмотрение художественных способов их воплощения. На основе проведенного исследования были выделены четыре типа героев: герой-ребенок; герой-странник; «смирненные герои»; архетипический герой — «благоразумный разбойник». В основу данной типологии положен социально-теологический принцип, который наиболее соответствует мировоззрению изучаемого автора.
Ключевые слова: В. А. Никифоров-Волгин, типология героев, герой-ребенок, архетипический герой «благоразумный разбойник».

Abstract: the purpose of this article is to create a typology of heroes in the work of V. A. Nikiforova-Volgin and consideration of the artistic methods of their embodiment. Based on the study, four types of heroes were identified: hero-child; the hero is a wanderer; "Humble heroes"; archetypal hero — "prudent robber." This typology based on the socio-theological principle, which is most consistent with the worldview of the author.
Keywords: V. Nikiforov-Volgin, typology of heroes, hero-child, archetypal hero "prudent robber".

В современной науке актуализируется проблема изучения типологии персонажей в аспекте общего интереса к антропологическому вектору литературоведения [1]. Существуют разные подходы к классификации литературных героев: выделение «героя-времени» (тип личности, характерный для целой эпохи) и изучение различных типов героев у определенного автора.

Первый подход представляют работы Л. Г. Дорофеевой [2], А. И. Сафуановой [3], И. И. Вильховской [4], Роксаны Найденовой [5], Т. Е. Сутягиной [6] и другие. Главным, что объединяет все вышеперечисленные работы, является попытка выделения общих черт, характерных для каждого героя заявленного типа.

Например, Л. Дорофеева в статье «Типологические признаки смиренного героя в древнерусской литературе и прозе И. Шмелева («Поучение В. Мономаха» и роман И. Шмелева «Лето Господне»» (2013) отмечает, что главным типологическим свойством образа смиренного человека является «принцип синергии, или свободного соединения человеком своей воли с волей Бога» [2, 325]. В качестве основной черты характера данного типа исследователь называет поиск воли Божией и стремление ее исполнить и отмечает особую теоцентричность сознания таких героев. В качестве примера смиренного героя Л. Дорофеева приводит Горкина из романа И. С. Шмелева «Лето Господне», убедительно обосновывая принадлежность этого персонажа к данному типу героев.

Т. Е. Сутягина в своем исследовании «"Лишний человек" и «кающийся дворянин»: к вопросу о типологии героев в русской литературе» (2018) обращает

внимание на принадлежность «лишнего человека» к дворянскому сословию. Такой герой всегда будет обладать способностями, которые не имеет возможности реализовать в современном для него обществе. «Лишнего человека» характеризуют «духовные поиски, увенчивающиеся равнодушием по отношению к жизни в целом» [6, 206]. К этому типу героев исследователь традиционно относит Чацкого, Евгения Онегина, Печорина и Обломова. Также Т. Е. Сутягина выделяет тип «кающегося дворянина», отмечая, что данный тип порожден идеями народничества, распространенными в дворянской среде. «Кающийся дворянин» осознает свой социальный грех — грех своего положения, а не личную вину, и в нем раскаивается. Это порождает «перевернутую религиозность» — желание «пострадать за Христа» подменяется стремлением «пострадать за народ», пожертвовать личными интересами ради блага людей [6, 210].

Второй подход представлен работами, посвященными изучению типологии героев у конкретного автора. В первую очередь, это значительный пласт работ, посвященных творчеству Ф. М. Достоевского: диссертация Ф. В. Макаричева [7], статьи О. Даниленко [8] и Е. В. Новиковой [9], диссертация Л. Артамоновой [10]. Каждый из перечисленных исследователей предлагает свой подход к выделению типов героев у Достоевского. Ф. В. Макаричев — сторонник синтетического подхода. Обращаясь к уже ранее составленным типологиям, он предлагает понимать «рассмотренные "типы"» предельно широко, в соединении «с "темами" и "мотивами"» [7, 23]. О. Даниленко за основу берет психологический принцип и, опираясь на ранние тексты Ф. М. Достоевского, анализирует основные типологические характери-

стики образов. Е. В. Новикова обращается к изучению феномена двойничества на примере романа «Бесы». Л. Артамонова за основу берет социально-типологический подход к героям «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского.

В рамках данного подхода было предпринято несколько попыток создать типологию героев в творчестве В. А. Никифорова-Волгина — писателя, чье имя только входит в литературоведческий мир. Еще при жизни писателя в статье одного из первых его критиков Александра Амфитеатрова «Тоска по Богу» (1937) отмечается общий признак, характерный для героев рассказов писателя — «герои г. Никифорова-Волгина — это именно люди, которых "мать не благословила или Ангел Хранитель от них отступился"» [11, 494]. Публицист эмоционально описывает различные типы, встречающиеся в книге Никифорова-Волгина («попик-странник», «трагические люди, за каждым из которых в недавнем прошлом остались чудовищные дела кощунства» [11, 490]). Особо А. Амфитеатров выделяет образ «красноармейца-покаянца» [11, 495], отмечая, что главной характеризующей чертой данного типа будет неутолимая тоска по Богу. Такие герои стремятся принести покаяние за содеянные злодеяния, вновь обрести душевный мир и гармонию.

В настоящее время, когда творчество писателя возвращено в отечественную словесность, современные исследователи Т. В. Бервененко и Ю. Н. Золотых [12] предлагают выделять три типа героев:

1. Богомольцы, праведники, странники и юродивые, для которых характерен осознанный выбор своего пути, обусловленный христианским мировоззрением. Такие герои, по мнению авторов, несут надежду страдающему от революционных потрясений миру. К ним относится о. Афанасий из повести «Дорожный посох», епископ Палладий из рассказа «Архиерей» и т.д.

2. Кающиеся герои — это герои, «которые забыли о Боге, вере и живут по собственному усмотрению» [12, 21]. Данный тип героев можно найти в рассказе «Лесник Гордей»

3. Переходный, или неоднозначный тип героев. Для них характерна некая неоднозначность, «двойственность». С одной стороны, это люди, совершившие кощунство, преступление перед Богом. Но, с другой стороны — это кающиеся и страдающие души, осознающие свое прегрешение и стремящиеся к очищению. Они ищут утешения у Бога и людей. Никифоров-Волгин показывает, что любой грех Господь простит, видя искреннее сожаление и покаяние. Данный тип героев присутствует в рассказах «Ветер» и «Земной поклон».

В данной работе мы хотим представить свою типологию героев в творчестве В. А. Никифорова-Волгина. Из выделенных нами четырех типов персонажей два типа обусловлены историческими — революционными — реалиями, а два представляют

традиционную, сложившуюся в нашей литературной традиции типологию:

1. герой-ребенок, осмысляемый автором в двух плоскостях: автобиографический герой и ребенок-мученик (данный тип обусловлен реалиями исторического времени);
2. архетипический герой — «благоразумный разбойник», рассматриваемый в двух исторически обусловленных гранях: красноармеец и белогвардеец;
3. герой-странник, представленный гонимыми героями (духовенство) и юродивыми и святыми;
4. «смирненные герои» — миряне: старики, хранители памяти о Руси изначальной.

В данной статье мы исследуем два типа героев, появление которых обусловлено изменившимися историческими реалиями. Это герой-ребенок и архетипический герой — «благоразумный разбойник».

Первый тип представлен в двух плоскостях: автобиографичный герой и ребенок-мученик.

Проследить отражение биографии автора на сюжетах рассказов можно уже на уровне имен. Одно из главных действующих лиц рассказа «Васька и Гришка» зовут Василием (полное имя писателя — Василий Акимович). В циклах «Детство» и «Из воспоминаний детства» главного героя также зовут Василием, а его лучшего друга — Гришкой.

О семьях героев-детей автор упоминает редко. Сама биография автора не дает однозначного ответа на этот вопрос. С. Г. Исаков в предисловии к сборнику «Дорожный посох» пишет: «Василий Акимович Никифоров родился 24 декабря 1900 года в деревне Маркуши Калязинского уезда Тверской губернии на Волге в семье сапожника из крестьян» [13, 5]. Мать будущего писателя работала прачкой. Исследователь особенно отмечает религиозность семьи. Жили они очень бедно. Мальчик смог закончить только церковно-приходскую школу, а потом был вынужден помогать сапожнику-отцу, втайне от него читая книги. С. Рацевич, автор неопубликованных воспоминаний «Глазами журналиста и актера», отмечает удивительную начитанность Василия Акимовича: «Вася увлекался логикой, философией, историей, но превыше всего любил русскую литературу. Его любимыми писателями были Лесков, Достоевский, Чехов. Знал он их отлично, на память цитировал отрывки произведений» [14].

Герои-дети В. Никифорова также растут в простых семьях. Например, у главного героя цикла «Детство» — Васьки, отец работает сапожником: «Форсит, адиёт, шкилетина, что у него отец в колбасной служит, а у меня тятка сапожник» [15, 10], — думает мальчик про своего друга Котьку. О матери читателю практически ничего не известно, но при этом она присутствует практически в каждом рассказе цикла как некое духовно-нравственное начало, направляющее героя на пути духовного взросления.

Мир детства раскрывается глазами ребенка, который становится неподкупным свидетелем различных жизненных историй. В. Никифоров рисует объемные картины окружающей действительности, сохраняя запахи, звуки, приметы времени — начала XX века: «Раздаются звонкие заливыстые голоса ребят. Неистово визжит на кого-то еврейка Фрина. Истошным плачем заливается еврейчик Апке. Грохочут машины в типографии Мельникова» [15, 7].

В. А. Никифорову-Волгину важно показать психологию своего героя. Он не идеализирует мальчика. Перед читателем раскрыты не только все поступки, но и его мысли: задумка подправить оценки в табели, чтобы обмануть родителей и получить столь желанные сапоги с красными ушками, попытка представить, каково было Младенцу Христу лежать в яслях, (мальчик даже начинает плакать от жалости к другому Ребенку, которому, наверное, холодно было лежать зимой в соломе) и так далее. Создаваемый писателем образ гармоничен окружающему миру: «А когда в роще, которая гудела по-особенному, повесенному, напали на тихие голубинки подснежников, то почему-то обнялись друг с другом и стали смеяться и кричать на всю рощу... А что кричали, для чего кричали — мы не знали» [16, 156].

Следует отметить, что В. А. Никифоров-Волгин с большой любовью относится к своему герою. Именно поэтому в тексте рассказа «Серебряная метель» появляется забавная зарисовка о том, как мальчик перепутал и пропел в Рождественском тропаре вместо «Волсви же со Звездой путешествуют» «волки со Звездой путешествуют», и как всю ночь ему «снилась серебряная метель, и как будто бы сквозь вздымы ее шли волки на задних лапах и у каждого из них было по звезде, все они пели «Рождество Твое, Христе Боже наш»» [16, 22].

Ребенок особенно чувствителен к церковным службам, которые органично вплетаются в его жизнь. Для Васи мир церкви понятен и знаком, потому что сопровождает его от рождения. Посещение служб не кажется ему утомительной обязанностью: напротив, мальчик с трепетом ожидает наступления Великого Поста с его долгим, покаянным богослужением, с замиранием сердца предчувствует Пасху, ощущает вселенское ликование на Троицу. Слова молитв проникают в самую душу ребенка, закладывая морально-нравственные устои, приучают его любить написанное и звучащее слово.

Таким образом, герой-ребенок, раскрытый на биографическом уровне, символизирует собой ушедший мир, и именно поэтому детство, описываемое в рассказах «детских» циклов, соотносится с архетипом «потерянного Рая» [17]. Образ ребенка предстает на фоне церковной жизни, которая становится нравственной опорой для маленького человека.

Ребенок-мученик появляется в рассказе «Чаша». О произошедшем мы узнаем из уст священника Вита-

лия, отца погибшего мальчика. В. Никифоров, следуя агиографическому канону, изначально подчеркивает предызбранность героя: «Ласковый такой да задумный. Рассказы любил про святых мучеников... И всех жалел, всем улыбался сыночек мой маленький!..» [16, 288] — вспоминает о нем батюшка. В одну из ночей в храм ворвались пьяные солдаты. Писатель не показывает их отнесенность ни к одному политическому лагерю, напротив, именует их безликим местоимением «они». Именно тогда и происходит подвиг мученичества: ребенок, не выдержав поругания Чаши Господней, вырывает ее из рук обезумевших, «грехом пропахших» [16, 288] людей, и один из них убивает его: «Как сейчас вижу его в белом одеянии, как хитон отрока Иисуса, с Чашей Христовой, сходящего по ступеням амвона... Тут-то за Христа и пострадал светлый мой мальчик. Не успел я подойти к нему, как высокий солдат ударил его прикладом по голове...» [16, 290]. Трогательно писатель рассказывает о том, как отец Виталий хоронит своего сына, без слез, со странным спокойствием на душе. Он смиренно принимает Волю Божию и не противится ей. Данная сцена соотносима с житием святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, когда она приходит на могилы дочерей, но не ропщет, а обращается за молитвенной помощью к Богу, веря в Его милосердие и промысел.

Подводя итог, отметим, что В. Никифоров-Волгин, описывая ребенка-мученика, с одной стороны, следует традиционному канону: мы видим предызбранность мальчика, непохожесть его в детстве на других сверстников. Центральное место занимает описание мученической смерти страдальца. С другой стороны, писатель помещает происходящее в контекст времени, не стремясь кого-либо обвинить, а лишь показывая «замутненность» душ людских, способных даже на такое страшное преступление. В. Никифоров также отступает от сдержанного стиля жития, рассказ проникнут искренним горем отца, потерявшего сына, но нашедшего в себе силы смириться перед лицом Божиим.

Сюжет Гражданской войны порождает определенный тип героя, который в творчестве данного автора условно можно назвать «архетипический герой — „благоразумный разбойник“». Данное название соотносится с Евангельским сюжетом о благоразумном разбойнике, покаявшемся перед Господом на кресте. Рассматривая творчество В. Никифорова-Волгина, нецелесообразно делить героев по политическим взглядам на красноармейцев и белогвардейцев. Писателю неважно это различие, потому что он стремится проанализировать психологию своих героев, показать, что внешнее теряет смысл перед решением вечных вопросов. По мысли автора, душа человека возвышается над условностями, продиктованными временем, поэтому каждый имеет право на покаяние и прощение.

Православным мировоззрением писателя обусловлено появление в его книгах принципиально нового типа — «красноармейца-покаянца», «который тайно, с риском для жизни, перебирается через эстонскую границу с единственной целью — исповедаться в своих тяжких грехах в Печерском монастыре, на месте, где великий человекоубийца Иван Грозный отрубил голову святому игумену Корнилию, а потом покаянно рыдал над его телом» [11, 495]. Александр Амфитеатров в приведенной цитате апеллирует к рассказу Никифорова-Волгина «Вериги», написанному в 1929 году. Подобный названному сюжет встречается и в других рассказах, таких как «Гробница», «Зверь из бездны», «Мати-пустыня», в повести «Дорожный посох».

В рассказе «Гробница» главный герой Яков Льдов воевал в годы Гражданской войны на стороне Белой армии. Никифоров-Волгин не даром обращается к образу белогвардейского солдата: автору важно подчеркнуть, что перед Богом равны все, и каждый ответит за свои дела, несмотря на политические воззрения. Данный рассказ опровергает обвинения в контрреволюционных настроениях, которые возводили на писателя и за которые его расстреляли в 1941 году. Яков обосновался в посадке уже давно, но местные жители его не любят: «Все были уверены, что он, если не бывший душегуб, то, во всяком случае, каким-то темным грехом отягощенный» [16, 302]. Фамилия Льдов косвенно подтверждает подобные опасения: душа героя словно заледенела для каких бы то ни было добрых чувств. О его прежней жизни, до появления в посадке, не знает никто. Но, однажды происходит странное событие: на вечернем богослужении в храме появляется Яков. Он ждет окончания службы, чтобы исповедоваться священнику в своих прегрешениях. Автор особое внимание уделяет внешности героя. В начале рассказа Яков «образом... темен, волосат и угрюм, на слова скуп, глаза... пронзительные, человеконенавистные» [16, 302]. Подобное описание подчеркивает звероподобное начало в этом человеке. На службе прихожане впервые замечают, что «Яков стал седым, похудевшим и как бы восставшим от долгой болезни» [16, 302].

В. А. Никифоров-Волгин через эти короткие замечания, касающиеся внешнего облика героя, показывает, какую глубокую внутреннюю, душевную работу пришлось мужчине проделать над собой, чтобы прийти в церковь на исповедь. Его слова в потемневшем храме звучат «угрюмо и тяжело», словно он целину поднимает. Яков вместе со своими друзьями совершил ужасное богохульство: из храма на санях они вывезли гробницу святого угодника, мощи выкинули и закопали, а серебро и драгоценности поделили между собой. Герой и сам понимает, какой страшный грех совершил. По его лицу проходят судороги, руки дрожат, рассказ иногда прерывается.

Сцена раздела награбленного имущества соотносима с евангельским сюжетом, повествующим о делении на части последнего одеяния Спасителя между стражниками под крестом: «Распавшие же Его делили одежды Его, бросая жребий, кому что взять». Римский закон отдавал в собственность воинов, совершавших казнь, принадлежности казенных. Совершавших распятие бывало четверо. Верхнюю одежду, разорвав на четыре части, воины поделили между собой, а нижняя одежда (хитон) была самотканая целиком сверху вниз и без швов. Если разорвать такой хитон, то части его потеряют всякую цену. Поэтому воины путем жребия решили вопрос, кому достанется хитон.

Автор не показывает, чем завершается встреча священника и «блудного сына». Читатель должен сам догадаться об этом, но единственное, что можно утверждать точно, ни один из участников исповеди не остался прежним.

Сюжет рассказа «Мати-пустыня» прост: красноармеец Семен Завитухин возвращается домой к матери. Функцию отца, встречающего своего сына, выполняет мать, что является характерной чертой рассказов писателей двадцатого века. (Например, рассказ А. Платонова «Третий сын», повесть Распутина «Последний срок»). Семен не решается сразу войти в избу. Его мучат воспоминания о пройденном за годы революции и гражданской войны. Мать сразу узнает в присевшем отдохнувший на лавочку под яблонями солдатике своего заблудшего сына, которого не видела долгих восемь лет. Она «тепло и крепко обвила его худую шею и радостно, тихо заплакала, и не могла найти слов, чтобы выразить свою нечаянную радость» [16, 192]. В. Никифоров-Волгин в цитируемый отрывок вводит уже устоявшееся словосочетание «нечаянная радость». Данный фразеологизм берет свое начало от названия иконы Матери Божией, с которой связан случай чудесного исцеления больного, потерявшего надежду на чудо. Аллюзивно этот сюжет соотносим с сюжетом повести: Семен Завитухин тяжело болен и вернулся к матери умирать, но происходит чудо не телесного, а душевного выздоровления бывшего красноармейца (перед смертью он посещает Николину пустынь, где исповедуется и причащается).

В рассказе «Зверь из бездны» В. А. Никифоров-Волгин показывает муки человека, совершившего страшную ошибку и расплачивающегося за нее всей своей жизнью. Автор дает четкое определение времени событий: «Было это в те годы, когда Бог отступил от людей и по земле ходил зверь, выпущенный из бездны» [16, 311]. Само название и данная цитата отсылают нас к одноименному роману Евгения Чirikова, опубликованному в 1926 году в Праге под заголовком «Поэма страшных лет». Писатель показывает звериную ярость человека, охваченного жадой убийства: «И вот он уже во власти «Зверя из бездны»: одна ненависть кипит в крови, и не чув-

ствуется боли в смятой коваными лошадиными копытами ноге; руки крепко жмут винтовку, и глаза острые, как у волка. Стоит нагнувшись и осторожно выпрямляется, хищно приподнимая обнаженную голову со сверкающими ненавистью глазами. Стучит сердце, тяжело дышать от волнения и от ожидания, успеет ли он первым выпустить пулю; губы сухи и сжались в странную улыбку...» [18, 5]. Так же оба автора используют словосочетание «Зверь из бездны» в качестве отсылки к книге Откровений (Апокалипсис): «Зверь, которого ты видел, был, и нет его, и выйдет из бездны, и пойдет в погибель; и удивятся те из живущих на земле, имена которых не вписаны в книгу жизни от начала мира, видя, что зверь был, и нет его, и явится» [19, 134].

Таким образом, действие двух этих произведений переносится из исторического времени во вневременное пространство. Авторы уже названием подчеркивают помутненность сознания людей Зверем. Главный герой рассказа В. А. Никифорова-Волгина — Михаил Каширин — белый офицер. Писатель подчеркивает его молодость, связывая ее, в первую очередь, не с биологическим возрастом, а с его влюбленностью в девушку «с тихим именем Лиль» [16, 63]. Имя невесты Каширина соотносится с цветком лилией, который служит символом чистоты и невинности. Из-за своих политических взглядов Михаил попадает в тюрьму. Главным испытанием для Каширина становится ожидание неминуемой смерти: «Шли дни, похожие на ржавые тупые пилы, убийственно медленно распиливающие сознание неизбежностью страшного конца» [16, 63]. Помилование приходит неожиданно. Не верящий своему счастью мужчина «по-детски крылато» бежит домой к своей невесте. Влюбленные не замечают невзгод, согреваемые прекрасным чувством первой любви, когда происходит страшное. В канун Страстной Субботы Каширин находит записку от комиссара Романовского, в которой он благодарит Лиль за прекрасные часы и обещает отпустить его жениха. Данное время выбрано не случайно: именно в Субботу Воскресший Господь сходит во ад, чтобы даровать душам праведников вечную жизнь. По народным поверьям считается, что именно в этот день Христа нет на земле, поэтому происходят страшные события. Первое, что делает Михаил, прочитав записку, свидетельствующую, по его мнению, о неверности невесты, гасит лампаду. Этим жестом писатель подчеркивает, с одной стороны, глубину отчаяния героя, с другой стороны — его готовность пойти на страшное преступление — загасить огонь человеческой души.

Дальнейшие сцены В. Никифоров передает через детали, психологически точно воспроизводя помутненное сознание человека (светлая улыбка девушки, промокшие туфельки на ногах, хруст костей от удара чем-то тяжелым). Каширин убивает свою невесту, но самым ужасным становится даже не это.

Вернувшись в ряды белой армии, Михаил встречается с пленным комиссаром Романовским, и тот перед расстрелом говорит, что Лиль была невинна. Они вместе учились в гимназии, поэтому, когда она пришла просить за своего жениха, он не смог отказать ей как своему другу детства. Дальнейшие три года жизни Михаила Каширина писатель передает скупыми строками: «не раз покушался на самоубийство», «был в психиатрической лечебнице» [16, 67].

Никифорову важно показать трудный путь человека к покаянию, именно поэтому в финале произведения мы видим «усталого, обветренного жизнью человека» [16, 67], который пришел во время Великого поста на исповедь в храм. Писатель показывает готовность героя понести публичное покаяние: Каширин исповедуется сначала перед священником, а потом и перед всеми собравшимися. Примечательно, что слушают его не молящиеся, а «притаившаяся церковь» [16, 67]. Данная сцена аллегорично соотносится с традицией публичного покаяния, о которой рассказывает Соня Мармеладова Раскольникову в романе «Преступление и наказание»: ««Поди на перекресток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и пред ней согрешил, и скажи всему миру вслух: „Я убийца!“» [20, 467].

В рассказе «Черный пожар» Никифоров-Волгин вновь рисует картину апокалиптического времени, подчеркивая вневременной смысл происходящих событий. Семен Кряжов — бывший красноармеец — рассказывает своему случайному попутчику старику Панкратию историю, случившуюся с ним в годы Гражданской войны. Писатель передает народный говор героя, подчеркивая его крестьянское происхождение и простоту взглядов. Однажды в карауле Семен услышал стоны. Он пошел проверить, что случилось, и увидел раненого человека с золотыми погонами на плечах, которые служили опознавательным признаком белогвардейцев. Первое, что делает Семен, это старается помочь ему: дает попить воды, перевязывает рану. Для него неважно, что этот раненый — потенциальный враг, что подчеркивается обращением «браток». Когда белогвардеец узнает, что попал на территорию Красной армии, он «испугался до озноба. Руки ко мне (к главному герою) протянул — словно оборониться хочет» [15, 319]. Семен успокаивает его, говоря: «Не бойся, браток. Не трону я тебя. Мы же братишки. Землячки, одно слово» [15, 319]. Никифоров-Волгин вновь акцентирует внимание читателей на обращении «браток». В традиции православной церкви принято обращение «братья и сестры», что подчеркивает родство всех христиан. Такое же родство и ощущают два этих солдата, разделенные лишь политическими условностями. Недаром прощание вызывает слезы у них обоих.

Таким образом, составляя типологию героев, необходимо учитывать особенности мировоззрения автора. Именно этим обусловлено появление и ху-

дожественная трансформация таких типов героев, как герой-ребенок и архетипический герой «благоразумный разбойник». В. А. Никифоров-Волгин показывает, как сложно переплетаются в героях социальное и вечное, но этот внутренний конфликт всегда решается в пользу вечных — христианских — ценностей, потому что душа каждого человека всегда будет стремиться к покаянию и гармонии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердникова О. А. Художественная антропология и поэтология: современные аспекты изучения / О. А. Бердникова // XX век как литературная эпоха. Сборник статей. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. — С. 131–141.
2. Дорофеева Л. Г. Типологические признаки смиренного героя в древнерусской литературе и прозе И. Шмелева («Почтение В. Мономаха» и роман И. Шмелева «Лето Господне») / Л. Г. Дорофеева // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета. — 2013. — № 11. — С. 323–337.
3. Сафуанова А. И. Типология героев-протагонистов в русской драматической сказке 1930–1940х гг. (на материале пьес Е. Шварца, С. Я. Маршака, Т. Г. Габбе) / А. И. Сафуанова // Вестник Московского университета. — 2014. — № 6. — С. 131–138.
4. Вильховский И. И. К вопросу о типологии героев «традиционной» русской прозы 20–21 вв.: герой-интеллигент в произведениях А. Варламова («купол», «Здравствуй, князь!») / И. И. Вильховский // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: материалы VI Международной научной конференции молодых ученых (Екатеринбург, 10 февраля 2017 г.). — Часть 2: Современные проблемы изучения истории и теории литературы. — Екатеринбург: Издательство УМЦ-УПИ, 2017. — С. 75–79.
5. Найденова Роксана. Герои-антагонисты в русской классике: опыт типологии / Роксана Найденова // Актуальная классика. Материалы Вторых студенческих научных чтений. — М.: Литера, 2018–194 с.
6. Сулягина Т. Е. «Лишний человек» и «кающийся дворянин»: к вопросу о типологии героев в русской литературе / Т. Е. Сулягина // Актуальные проблемы филологии. — Екатеринбург. — 2018. — № 16. — С. 204–216.
7. Макаричев Ф. В. Динамическая типология героев Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ф. В. Макаричев. — Магнитогорск. — 2002. — 23 с.
8. Даниленко О. Типология характеров в ранней прозе Ф. М. Достоевского / Ольга Даниленко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — М.: Издательство Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. — 2012. — С. 77–82.
9. Новикова Е. В. Двойничество и его воплощение в произведениях Ф. М. Достоевского: типология героев-двойников и особенности структуры произведений / Е. В. Новикова // Гуманитарные научные исследования. — М.: Международный научно-инновационный центр. — 2014. — № 10. — С. 128–131.
10. Артамонова Л. «Дневник писателя» как социокультурный феномен: автореф. дис. канд. ... филол. наук / Л. Артамонова. — Режим доступа: <http://repo.ssau.ru/handle/Dissertacii-Zakryto/Dnevnik-pisatelya-F-M-Dostoevskogo-kak-sociokulturnyi-fenomen-osobennosti-funkcionirovaniya-hudozhestvennopublicisticheskikh-idei-antropologicheskii-ist-70046>
11. Амфитеатров А. Тоска по Богу / А. Амфитеатров. — М.: Паломник, 2003–498 с.
12. Бервененко Т. В. Святость и греховность русского человека как выражение антиномичности героев В. А. Никифорова-Волгина / Т. В. Бервененко, Ю. Н. Золотых // Славянская письменность и культура как фактор единения народов России. — Владикавказ: Издательство Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. — 2015. — С. 17–25.
13. Исаков С. О В. А. Никифорове-Волгине / Сергей Исаков // Дорожный посох / В. А. Никифоров-Волгин. — М.: Русская книга, 1992. — Введение. — С. 5–8.
14. Рацевич С. Глазами журналиста и актера / Степан Рацевич. — Режим доступа: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=63155
15. Никифоров-Волгин В. А. Ключи заветные от радости / В. А. Никифоров-Волгин. — М.: ДАРЪ, 2013. — 432 с.
16. Никифоров-Волгин В. Заутреня святителей / Василий Никифоров-Волгин. — М.: Паломник, 2003. — 526 с.
17. Парина А. С. Мотивный комплекс рая в произведениях русской прозы рубежа XX–XXI веков / А. С. Парина // Автореферат дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2018. — 23 с.
18. Чириков Е. Зверь из бездны. Поэма страшных лет / Евгений Чириков. — М.: Вече, 2020. — 320 с.
19. Новый Завет. Откровение святого Иоанна Богослова (Апокалипсис) / Иоанн Богослов. — СПб.: Вита-Нова, 2015. — 299 с.
20. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. — М.: Время, 2017. — 640 с.

*Воронежский государственный университет
Конюхова А. С., аспирант кафедры русской литературы
XX и XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: asy_artemenko@mail.ru*

*Voronezh state University
Konyukhova A. S., postgraduate student of the department
of Russian literature of the twentieth and twenty-first centuries,
the theory of literature and humanities
E-mail: asy_artemenko@mail.ru*